

УДК 316.24(2)

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-43-50

УЧЕНИЕ ЧАРЛЬЗА ДАРВИНА В КРИТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ НИКОЛАЯ ДАНИЛЕВСКОГО И НИКОЛАЯ СТРАХОВА (ИЗ ИСТОРИИ ДАРВИНИЗМА В РОССИИ)

Снетова Нина Васильевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье исследуется характер критики учения Дарвина о происхождении видов со стороны русских философов — неославянофилов Н. Данилевского и Н. Стрехова. Анализируется первая в истории русской философской мысли критика Стреховым перенесения дарвинизма на социальные отношения в западной литературе. Стрехов верно оценивает перенесение биологических закономерностей на социальные отношения как кризис гуманизма. Показано, что в анализе причин распространения эволюционной теории среди ученых и в общественном сознании сказываются социально-политические и философские взгляды критиков. Демонстрируется попытка Стрехова найти внеученные, социокультурные детерминанты развития, распространения научного знания. Пытаясь их найти, он объясняет очень быстрое, с его точки зрения, распространение дарвиновского учения среди ученых тем, что они руководствуются не научными основаниями, а верой в авторитеты. Критикуется мнение Стрехова, что наука движется изменениями, происходящими в сфере нравственности.

Автор статьи сосредотачивается на критике Данилевским и Стреховым мировоззренческих оснований дарвиновского учения. При этом Стрехов во многом развивает аргументацию, предложенную Данилевским, следуя за ним. Данилевский выделяет два типа мировоззрения — идеализм и материализм. Под материализмом понимается механистическая его форма, которой свойственен механистический детерминизм. Отмечается, что Данилевский и Стрехов не согласны с трактовкой учения Дарвина как механистического мировоззрения, т.к. Дарвин заменил принцип механистической необходимости принципом абсолютной случайности. Подчеркивается, что русские критики нащупали действительно слабые места в дарвиновском учении. Однако сами они исходили из неверного понимания соотношения необходимости, закономерности и случайности.

Ключевые слова: Николай Данилевский, Николай Стрехов, дарвинизм, учение Дарвина, социал-дарвинизм, развитие науки, социокультурные факторы, случайность.

CHARLES DARWIN'S THEORY IN THE CRITICAL REFLECTION OF NIKOLAY DANILEVSKIY AND NIKOLAY STRAKHOV (FROM THE HISTORY OF DARWINISM IN RUSSIA)

Nina V. Snetova

Perm State University

The article examines the nature of criticism of Darwin's theory of the origin by the Russian philosophers neoslavophiles Nikolay Danilevskiy and Nikolay Strakhov. The first Social Darwinism criticism in the history of Russian philosophical thought is analyzed. Strakhov correctly estimates that using biological principles in the analysis of social relations points on the crisis of humanism. It is shown that social, political and philosophical views of the Russian critics have an impact on their analysis of the causes of the evolutionary theory spread among scientists and in public consciousness.

There is shown Strakhov's attempt to find non-scientific, socio-cultural determinants of development, dissemination of scientific knowledge. Trying to find them, he explains quick spread of Darwin's theory by the fact that scientists guided by faith in authorities, but not by scientific foundations. Author criticizes Strakhov's idea that science is made by changes in the sphere of morality.

The author focuses on criticism of philosophical reasons of Darwin's theory by Danilevskiy and Strakhov. In most cases Strakhov develops the argument proposed by Danilevsky. Danilevsky distinguishes idealism and materialism as two types of the worldview. Materialism is understood in its mechanistic form, which can be characterized as the mechanistic determinism. It is noted that Danilevsky and Strakhov do not agree with the interpretation of Darwin's theory as the mechanistic worldview. They argued that Darwin replaced the principle of the absolute necessity by the mechanistic principle of an accident. It is underlined that Russian critics groped real weaknesses in Darwinian doctrine. However, they incorrectly interpreted the relationship of necessity and chance.

Keywords: Nikolay Danilevskiy, Nikolay Strakhov, Darwinism, Darwin, social Darwinism, the development of science, sociocultural factors, accident.

Со времени публикации книги «Происхождение видов путем естественного отбора» в 1859 г. учение Ч. Дарвина и дарвинизм не перестает быть актуальной темой научных исследований, а также предметом горячего обсуждения среди широкой читающей публики. Этот интерес вызван не только необычайной сложностью и нерешенностью проблемы развития биологической формы материи, но и ее *мировоззренческой значимостью*. В России дарвинизм имеет свою длительную историю.

Если посмотреть на начало этой истории, то можно увидеть следующую картину. Книга Дарвина «Происхождение видов» вышла, как известно, 24 ноября 1859 г. За несколько лет учение Дарвина приобрело множество сторонников во многих странах, в том числе и в нашей стране. Уже в январе 1860 г. в Петербургском университете проф. С.С. Куторга читал лекции о дарвиновской теории. В среде ученых начинается обсуждение теории. В 1861 г. Г.А. Траутшольд делает доклад, посвященный ее обсуждению, и публикует первую рецензию на работу Дарвина. Через год появляется небольшая статья Н.Н. Страхова «Дурные признаки», в которой работа Дарвина охарактеризована как выдающийся вклад в развитие естественных наук. В 1864 г. выходит первый полный перевод книги «Происхождение видов» на русский язык.

Успех дарвинизма в России историками науки объясняется тем, что проникновение дарвинизма в Россию совпало с оживлением общественно-политической и научной жизни в стране. В первой половине 60-х гг. умами учащейся молодежи овладевают Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев, Н.А. Добролюбов. В этот период в стране начинается распространение позитивизма с его культом естественно-научного знания и сциентистской идеей, что наука — это основной фактор социального развития. Д.И. Писарев в своих статьях, высоко оценивая теорию Дарвина, призывал молодежь содействовать упрочению эволюционных идей в науке. М.А. Антонович писал, что русские ученые отнеслись к новой теории весьма сочувственно и встретили её как желанную и ожидаемую гостью. Кроме того, быстрому распространению и принятию теории

способствовала уже существовавшая подготовленная научная основа.

Однако в истории дарвинизма в России были и ученые, критиковавшие учение английского естествоиспытателя. К ним относятся биологи по образованию, неославянофилы по социальным взглядам Николай Яковлевич Данилевский и Николай Николаевич Страхов. Оба относятся к такому сквозному течению в отечественной философской мысли, как органицизм [см. 1]. В 1862 г. в журнале «Время» Страхов публикует заметку с симптоматичным и точным названием — «Дурные признаки» [см. 2]. В заметке дается критический анализ оценок и выводов из теории Дарвина, которые были найдены автором в комментарии французской переводчицы «Происхождения видов» — К.А. Ройе. Перевод знаменитой книги на французский был сделан ею в том же 1862 г. Не раскрывая содержания дарвиновского учения, отечественный критик верно указал, что Дарвином найден основной фактор биологической эволюции — естественный отбор. Внимание Страхова привлекла и вызвала крайне негативную реакцию попытка французской переводчицы *перенести естественный отбор на социальные отношения*. Ройе, пишет он, прямо утверждает, что теория Дарвина «богата гуманитарными, нравственными следствиями». Если приложить закон естественного отбора к человечеству, пишет Ройе, то мы с удивлением увидим, насколько ложны были до сих пор наши гражданские и политические законы, религиозная мораль.

Примечательно, что в комментарии переводчицы русский мыслитель обращает внимание на имеющую критику именно религиозной морали. Ройе указывает на такой недостаток последней, как преувеличение сострадания, милосердия, братства, в которых христианская эра видела идеал социальной добродетели. Французская переводчица утверждала, что религиозная мораль, преувеличивая самопожертвование, требовала, чтобы всегда и во всем сильные приносились в жертву слабым. В результате этого, с ее точки зрения, бедствия, которыми были поражены слабые, больные, обиженные природой, укореняются и размножаются, зло не уменьша-

ется, а увеличивается. Делается вывод, что человечество поступает противоестественно, не слушая природу. Как видим, Ройе в 1862 г. предвосхищает вариант интерпретации теории Дарвина, характерный для социал-дарвинизма. Фактически сразу же с опубликованием перевода «Происхождения видов» появляется «научное» обоснование вивисекции.

Возражая, Страхов отмечает, что люди до сих пор не слишком преувеличивали сострадание, милосердие и самопожертвование, судя по тому, что «у нас всегда шла великолепнейшая жизненная конкуренция, и закон естественного избрания постоянно находил полнейшее применение. Сильный давил слабого, богатый бедного, и вообще, из малейшего преимущества была извлекаема в этой борьбе наибольшая выгода» [3, с. 394]. По сути, Страхов констатирует антагонистический характер социальных отношений. При этом, заметим, не предпринимается попытка ответить на вопрос о причинах такого их характера. Однако данная оценка свидетельствует, что отечественный мыслитель негативно оценивает социальное неравенство, демонстрируя понимание различия между биологическим и социальным неравенством. Таким образом, на наш взгляд, прежде всего, можно оценить гуманистический пафос отечественного критика, его выступление в защиту человеческого достоинства каждого человека.

Судя по содержанию критики, Страхову понятна несостоятельность биологизации человека, переноса закономерностей, характерных для биологической формы материи, на общественные отношения. Взгляды Ройе для Страхова — свидетельство того, что «мы перестали понимать человеческую жизнь, мы теряем ее смысл, как скоро не отделяем человека от природы, как скоро ставим его наряду с ее произведениями и начинаем судить о нем с той же точки зрения, как о животных и растениях» [3, с. 396].

В своей публикации русский исследователь стремится не просто дать оценку взглядам конкретного критикуемого автора, но подойти к вопросу шире, мировоззренчески, что для него типично. Во-первых, он дает общую оценку современной ему духовной жизни, справедливо констатируя, что её характеризует бурное развитие естествознания. Авторитет естественных наук становится непрекращаемым. Соответственно возникает претензия естественных наук на исчерпывающий взгляд на мир, человека, общество в целом. В заметке «Дурные признаки» отечественный мыслитель точно фиксирует свойственное тому времени распространение сциентистских настроений в общественном сознании, что свидетельствует о его способности к глубокому осмыслению духовной ситуации эпохи. Он пытается объяснить причины распространения сциентизма в духовной культуре Западной Европы. С

одной стороны, мыслитель, на наш взгляд, правильно улавливает, что появление подобных трактовок дарвинизма свидетельствует о кризисе гуманизма в западном обществе, при этом на данной оценке он останавливается, не ставя вопрос о том, чем вызван кризис гуманизма. С другой стороны, в анализе Страхова видна «тенденция» — анализ осуществляется с позиций почвенничества.

В духе последнего заявляется, что в лице Ройе и ее воззрений автор представляет читателям любопытный факт западноевропейского образования. Оно ищет спасения дряхлеющей западной цивилизации в подобных взглядах и средствах, что приличествует, по мнению Страхова, эпохе падения: «Настоящее время, во всяком случае, загадочное, и, может быть, более загадочное, чем всякое другое, нередко сравнивают с эпохой упадка древнего мира; говорят, что мы переживаем период такого же всеобщего одряхления, такого же постепенного и безвыходного разрушения всех форм, в которых жизнь до сих пор выражалась» [2, с. 158]. Таким образом, отечественный мыслитель фактически утверждает, выражаясь современным языком, что хождение социал-дарвинистских представлений свидетельствует о кризисном состоянии общества.

Автор статьи «Дурные признаки» предостерегает в данной публикации от абсолютной веры в то, что естественные науки сами по себе могут стать спасением, «твердой точкой опоры, на которой можно крепко держаться среди окружающего разрушения». Иначе говоря, естественные науки не могут служить достаточной, а главное, безусловной, абсолютной основой для ценностной ориентации человека в обществе.

Анализируя идеи этой небольшой работы, можно сделать следующее резюме:

1. Страхов выдвигает совершенно правильную мысль, что *естествознание* в мировоззренческом отношении не самостоятельное, оно само *нуждается в мировоззренческой интерпретации*. Объективно заслуга философа состоит, в частности, в том, что он одним из первых, имея естественно-научное образование, *осознал ограниченность сциентизма как мировоззренческой ориентации*.

2. Заслугой русского мыслителя является и то, что он одним из первых (а возможно, и первый в мире) выступил с критикой социал-дарвинизма, что является актуальным и по сей день. Намного позже философы и естествоиспытатели делали заявления по поводу первенства критики перенесения борьбы за существование на человеческое общество. Так, К.А. Тимирязев утверждал: «П. Кропоткин в своей интересной книге “Взаимная помощь, как фактор эволюции” пишет, что проф. Кесслер был первый натуралист, выразивший (в 1880 г.) протест против

злоупотребления термином “борьба за существование” в применении к человеку. При всем уважении к памяти учителя, я позволю себе заметить, что этот протест я высказал двумя годами ранее (в 1878 г.) в лекции “Дарвин, как тип учёного” [4, с. 360. Примеч.]. Между тем книга Дарвина вышла в свет в 1859 г., поэтому можно сказать, что Страхов первым в отечественной, а возможно, и в мировой науке выступил с протестом против перенесения учения Дарвина на социальные явления. Однако его выступление осталось незамеченным и не оцененным.

Обратим внимание еще на одну раннюю публикацию Страхова. В 1864 г. он выступает в журнале «Эпоха» с критикой попыток представить теорию Дарвина как растлевающе действующую на умы подрастающего поколения, интерпретировать её как только гипотезу, не имеющую истинного основания. Такая точка зрения была представлена в романе «Марев», напечатанном в «Русском вестнике». Ученый проводит параллель между тем, как воспринималось в истории человечества учение Коперника и как оценивается дарвиновская теория. В публикации справедливо указывается, что система Коперника тоже считалась ядом, растлевающим умы и подрывающим уважение к преданию. В «Заметке летописца» (1864 г.) учению Дарвина *дается* необычайно *высокая оценка*. Страхов утверждает, что теория постепенного развития живой природы не менее важна, чем система Коперника. Он призывает осторожно обращаться с теми воззрениями, которые представляют естественные науки. Иначе можно попасть, предупреждает мыслитель, «в число тех людей, для которых казалось нестерпимой нелепостью, что земля круглая, и было страх как смешно, что она вокруг солнца обращается» [5, с. 346].

Однако в последующем мыслитель много сил и времени отдал критике самого дарвинизма, следуя морфологическому принципу, который он воспринял у К. Бэра и Н. Данилевского и который согласовывался с концепцией *органического понимания*. Более того, Страхов, защищая книгу Данилевского «Дарвинизм», вступил в окончившуюся для него поражением полемику с Тимирязевым. Эта полемика нанесла удар по его престижу как ученого. Но Страхов остался верен памяти своего друга Данилевского даже в ущерб своей репутации.

В полемике Страхов и Данилевский использовали, в частности, *аргументы вненаучные*, являвшиеся следствием их славянофильских пристрастий. Иными словами, полемика ими политизировалась. Посмотрим, как выглядела аргументация в славянофильском духе в споре об истинности дарвинизма. Тимирязев очень высоко оценивал дарвиновскую теорию. И уже это использовалось Страховым, который перечисляет оценки Тимирязева и комментирует их следующим

образом: «Во-первых, что такое для него был и есть дарвинизм? “Одно из величайших приобретений человеческой мысли”; “одно из могучих течений современной научной мысли”. Такого взгляда г. Тимирязев держался от начала, и каждый год он проводит и излагает его на своих лекциях; в таком духе он писал и пишет свои статьи и книги. Да и не он один. “Русских дарвинистов, вероятно, столько же, сколько натуралистов”. Вот какое крепкое и общепринятое убеждение есть дарвинизм. Это не просто одно из учений, это, можно сказать, сама наука.

Поэтому, когда стали беспрестанно говорить г. Тимирязеву о русской книге, в которой опровергнут дарвинизм, то он, как сам рассказывает, задал себе вопрос: “проявляется ли в этом *общее направление европейской мысли*”? И он отвечал себе, конечно, что нет, а потому и осудил заранее эту книгу.

Заметьте оттенки в приведенных нами словах. Слово *европейский* употребляется тут недаром. Оно означает то драгоценное качество, которое и для профессора, и для его слушателей есть ручательство за истину и за всякое достоинство. Особенно же, если дело идет об *общем направлении*, то авторитет таких вещей возрастает неизмеримо.

Мало того, у г. Тимирязева зародилось новое предубеждение. Он почему-то заметил, что только *известная часть нашей печати* “встречает восторженно” книгу Н.Я. Данилевского, и потому заподозрил, что это делается не просто, а из патриотизма и, пожалуй, из чего-нибудь похуже. Сказать по сущей правде, вся эта *часть печати* был я один, пишущий настоящие строки; но г. Тимирязев, так или иначе, обобщил явление, и тем более стал настороже. Он пришел к мысли, что книга, о которой идет речь, есть “только явление местного, так сказать, этнографического и временного свойства”. Другими словами, что книга есть очевидный признак русской отсталости от Европы и, вероятно, вызвана так называемым *мракобесием*, которое иногда у нас обнаруживается» [6, с. 424–425]. Примечательно, что страховское замечание по поводу слова «европейский» выглядит весьма современно, оно и ныне у нас нередко означает «драгоценное качество, которое и для профессора, и для его слушателей есть ручательство за истину и за всякое достоинство». Такого рода подход в критике естественно-научной теории может вызвать удивление. Объяснение ему дается А.П. Огурцовым: «Следует отметить, что во 2-й половине XIX в. существенно изменился социокультурный контекст, в который всегда включена наука. В противовес как просветительскому культу единого Разума и прогресса науки, так и идеи о науке как деятельности всеобщего духа, представленной в немецком идеализме, в этот период начинает формироваться национальное самосознание и

осознаваться многообразие национальных культур. Это приводит не только к критике европоцентризма и к формированию концепций замкнутых культур, но и к повороту в самом способе обоснования науки — наука и формы ее организации включаются в контекст национальной культуры» [7, с. 315].

Дарвинизм также анализируется Данилевским и Страховым в контексте развития науки. При этом оказывается важным, как они трактуют развитие научного знания. Прежде всего они пытаются объяснить быстрое признание новой теории в научном и околонуковом сообществе. Это действительно интересный науковедческий вопрос. Страхов верно оценил предложенную Дарвином теорию как переворот в науке, сравнимый с переворотом, совершенным Коперником. Если это переворот, то, естественно, новая теория вступает в противоречие со старыми объяснениями органического мира. Отечественный критик делает правильный вывод, что главным препятствием для Дарвина были учения, господствовавшие среди самих натуралистов. Английский ученый признает, что многие из старых и уважаемых научных авторитетов являются противниками идеи изменения видов. Тем не менее, переворот свершился и произошел довольно быстро. Страхов использует то, что сам автор «Происхождения видов» выразил удивление тем, как быстро были приняты его взгляды. Отсюда критик делает вывод, что для английского натуралиста верховным авторитетом является большинство голосов ученых и, следовательно, ему не важны требования науки, ее внутренние законы, методы и т.п., т.к. им предполагается, что «все это наилучшим образом определяется большинством голосов». Таким образом, согласно Страхову, несмотря на то, что английский ученый создал новую смелую теорию, он не претендует быть самостоятельным, а скромно подчиняется авторитету — общему мнению ученых. «Дарвин как бы вынес свою теорию на рассмотрение ученого парламента и теперь радуется, что получил одобрение» [6, с. 308]. И далее следует, думается, напрасный совет, что Дарвину как натуралисту должен быть важнее всего авторитет его науки. Если наука решила, то вскоре ее решение принимается всеми. Если бы для автора теории происхождения видов «верховным авторитетом» было мнение и одобрение большинства ученых, то он, скорее всего, не стал бы публиковать и отстаивать эту теорию.

Описанная ситуация, с точки зрения отечественного критика, есть демонстрация предрассудков, «господствующих в ученом мире». Суть первого предрассудка состоит в том, что «каждый ученый воображает, что его частная наука обладает верховным авторитетом, и ему в голову не приходит согласовывать добытые им результаты с некоторой об-

щей системой, с цельным взглядом на мир. Этот предрассудок очень силен у Дарвина, который на сколько-нибудь отвлеченные и трудные философские взгляды смотрит с таким неверием и отчуждением, что даже не считает нужным говорить о них и опровергать их» [6, с. 309]. Можно возразить, что и сам автор критической статьи о Дарвине, сделав данное заявление, не поясняет, о каких философских взглядах идет речь.

Наоборот, если иметь в виду, что в XIX в. усилиями философии и естественных наук формируется новая, эволюционная, картина мира, то в таком случае дарвиновская теория с ней согласовывалась. Более того, учение английского натуралиста внесло мощный вклад в утверждение этой картины. Примечательно, что Страхов, исповедуя органический взгляд на мир, «идею организма», являющуюся в его философии центральной идеей и методологическим подходом, рассматривал мир как целостный, развивающийся организм. В гегелевской философии он высоко оценил идею развития. Следовательно, дарвиновская эволюционная теория в целом соответствовала его взгляду на мир и *изменчивость видов им признается*. Вторым предрассудком, присущим научному миру, отечественный философ, как отмечается выше, называет суеверное преклонение перед общим мнением своих собратий, и оно несправедливо приписывается Дарвину.

Согласно Страхову, стыд за то, что такая быстрая перемена произошла, лежит на старых и на новых натуралистах. Или старые ученые в течение долгих лет не видели очевидного вывода, или новые натуралисты забыли и плохо понимают начала, которыми руководствовались старые биологи и которые удерживали их от этого вывода. Критик считает, что Дарвин не понимает взглядов Кювье. Старые же естествоиспытатели виноваты, потому что исповедовали идею постоянства видов не вследствие ясно осознаваемых «начал», а только следуя авторитету, исповедовавшему этот догмат, — Кювье. Научный мир, утверждает Страхов, обнаруживает «величайшее рабство перед научным преданием». Ученые мужи *слепо следуют* как авторитету Кювье, так и противоположному предположению об изменении видов. Противоположная точка зрения существовала также издавна. В статье «Дарвин» называются имена Ламарка и Сент-Илера. Если признается, что представления об изменении видов существовали в науке и развивались до Дарвина, то несколько неубедительно выглядит утверждение, что учение Кювье пало внезапно. В доказательство своей концепции развития науки, объясняющей принятие теории происхождения видов ученым ареопагом, русский критик утверждает, что учение Кювье не было разрушено постепенным накоплением фактов, новыми

открытиями. Оно «пало вдруг», как падает мнение, державшееся верой, а не научными основаниями. Его падение объясняется, следовательно, появлением новой веры. Именно последней причиной защитник Данилевского объясняет быстрое принятие дарвинизма, а не ее научными достоинствами. По мнению Страхова, «главная ее сила состоит в некоторых остроумных гипотезах относительно самого процесса изменения видов; но вовсе нельзя сказать ни того, что она доказала это изменение, ни того, что она его объяснила» [6, с. 312]. Таким образом, приверженность «новых натуралистов» данной теории определяется посторонними науке причинами. В результате делается общий вывод относительно источника развития научного знания: «Движение наук и перевороты, которые в них происходят, зависят не от внутреннего их развития, а определяются влияниями из другой области» [6, с. 312]. Такой силой является изменение нравственных и философских «понятий». Причем развитие нравственности оказывается определяющим фактором.

Если оценивать точку зрения на факторы развития науки, предложенную Страховым в работе «Дарвин» (1872–73 гг.), то можно отметить следующее. Отечественный философ совершенно справедливо обращает внимание на *социокультурные детерминанты развития научного знания*. Философия и естествознание, несомненно, связаны между собой и оказывают влияние друг на друга. Нравственные представления, функционирующие в обществе, действительно оказывают воздействие на конкретную ситуацию в науке, но они *не являются определяющими*. Наука движется прежде всего потребностями общества, которые определяются уровнем его развития. Кроме того, эволюция научного знания имеет внутренние закономерности, и Страхов сам писал об этом в своих статьях 60-х гг. Экономические, социальные, т.е. *внеаучные*, факторы определяют закрепление или отторжение той или иной гипотезы, концепции. Заметим, что высказанная философом точка зрения в данном конкретном случае мотивировалась стремлением найти объяснение быстрой смены веры у натуралистов, поддержавших дарвиновскую теорию. При этом исследователь преувеличивает быстроту и гладкость в принятии учения в научном сообществе. В нем, конечно, шли дискуссии, были столкновения различных взглядов.

Пытаясь объяснить быстрое согласие с учением об эволюции видов и желая опровергнуть дарвиновское видение, Данилевский и Страхов подвергают анализу мировоззренческие основания его теории. Повторим, оба мыслителя не отрицали изменчивость видов, они отрицали дарвиновскую теорию их происхождения. Причем в оценках учения Дарвина

с мировоззренческих позиций Страхов следует за Данилевским. Быстрое принятие эволюционной теории, согласно Страхову, объясняется, в частности, и тем, что большинство натуралистов исповедуют *материализм и пантеизм*. Данилевский во введении к книге «Дарвинизм» утверждает, что по общему характеру этого учения оно как бы изымается «из области положительных наук и относится к области философии». Оба мыслителя понимают огромное мировоззренческое значение дарвинизма. Учение Дарвина овладело умами ученых всех специальностей и людей необразованных.

Согласно Данилевскому, можно выделить три формы мировоззрения. Критерием выделения у него является ответ на вопрос о разумной причине мира и об отношении этой причины к произведенному ею миру. Одни, по его мнению, «уподобляют отношение этой разумной причины к произведенному ею миру — “отношению человека к результатам его художественной или промышленной деятельности”». Такое объяснение дает начало различным формам деизма, в котором разумность мира объясняется целесообразностью замысла его устройства. Другие считают, что разум имманентен миру, что соответствует разновидностям пантеизма. В пантеизме разумность мира выводится из внутренней закономерности всех его явлений. Третьи, отрицая объективную разумность мира, «вкладывают эту разумность в созерцающее мир я». Это — различные формы субъективного идеализма. Все три формы мирозерцания могут быть обозначены общим именем идеализм, ибо все они в объяснении мира прибегают к духовному началу, «господствующему над материей или даже совершенно ее устраняющему».

Особо выделяется мировоззрение, отрицающее существование духа, а следовательно, по мнению автора книги «Дарвинизм», и разумность мира. Под этим мировоззрением имелся в виду материализм в его механистической форме. Весь мир и человеческий разум здесь — неизбежный и необходимый продукт существующих независимо друг от друга материи и движения, «действующих чисто механически, — и тогда эта-то механическая необходимость, продуктом которой являемся и мы сами, и представляется нам как разумность» [8, с. 5]. С точки зрения Данилевского, такое объяснение было бы удовлетворительным, если бы могло быть применено ко всем формам и явлениям неорганической и органической природы. Но данное механистическое объяснение не приложимо к явлениям органического мира, ибо не объясняет «бесконечной разумности и целесообразности» в приспособлении живых организмов «к условиям неорганического мира, друг к другу и отдельных частей организмов-органов к целому». Интересно, что таким образом Данилевский,

а вслед за ним Страхов отвечают активным пропагандистам эволюционного учения, в частности Геккелю, приписывавшим Дарвину механистическое объяснение. По их мнению, дарвинизм не вписывается в механистическое мировоззрение, ибо он *заменяет принцип механистической необходимости принципом абсолютной случайности*. Они приходят к выводу, что у Дарвина принцип абсолютной случайности является верховным объяснительным началом органической природы, прежде всего такого свойства организмов, как целесообразность. Данилевский утверждает, что именно Дарвин первый провел систематически данный принцип через всю область самых сложных явлений.

Следует отметить, что критика дарвиновского учения отечественными мыслителями изнутри носит глубокий, серьезный характер. Они нащупали действительно слабые места в дарвиновском учении. Данилевский и Страхов были правы, в частности, в том, что у Дарвина преувеличивается роль случайности. В отличие от своих сторонников-популяризаторов Дарвин сам понимал, что теория многого не объясняет, следовательно, не носит законченного характера. Трудности, с которыми столкнулся классический дарвинизм, во многом были связаны с тем, что в XIX в. не были известны механизмы наследственности. Позже биология сделала огромные успехи: были открыты единицы наследственной информации — гены, вскрыты физико-химические основы наследственности и изменчивости (РНК, ДНК, механизмы их репликации и т.д.). Была сформулирована СТЭ, в биологии в настоящее время ставится вопрос о необходимости теории третьего синтеза. Открытия говорили о том, что в механизме эволюции взаимодействуют необходимость и случайность. Обратим внимание, что, критикуя Дарвина за абсолютизацию случайности, Данилевский и Страхов исходили при этом из неверного понимания взаимодействия необходимости, закономерности и случайности, противопоставляя эти диалектические категории. Однако они предполагают друг друга, случайность есть проявление необходимости. Отечественные же критики исходили из того, что случайность исключает необходимость, закономерность.

Кроме того, на наш взгляд, можно сделать вывод, что Данилевский и Страхов не всегда объективны в анализе дарвиновского учения. В критике дарвинизма мыслители были мотивированы не только научными интересами, но и собственными социально-философскими, социально-политическими установками.

Список литературы

1. Снетова Н.В. *Философия Н.Н. Страхова (опыт интеллектуальной биографии)* / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010. 352 с.

2. *Страхов Н.Н.* Дурные признаки // *Время*. 1862. № 11, о. II. С. 158–172.
3. *Страхов Н.Н.* Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом. Изд. 4-е. Киев: Изд. И.П. Матченко, 1902. Т. 2. 434 с.
4. *Тимирязев К.А.* Сочинения. М.: Сельхозгиз, 1938. Т. V. 508 с.
5. *Страхов Н.Н.* Из истории литературного нигилизма. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1890. 596 с.
6. *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1890. Кн. 2. 567 с.
7. *Огурцов А.П.* От натурфилософии к философии науки. М.: ИФРАН, 1995. 315 с.
8. *Данилевский Н.Я.* Дарвинизм. Критическое исследование. СПб.: Изд-во Меркурия Елизаровича Комарова, 1885. Т. 1. 697 с.

Получено 14.11.2016

References

1. Snetova N.V. *Filosofiya N.N. Strakhova (opyt intellektualnoi biografii)* [The philosophy of N.N. Strakhov (the experience of intellectual biography)]. Perm, Perm State University Publ., 2010, 352 p. (In Russian).
2. Strakhov N.N. [Bad symptoms]. *Vremya* [Time]. 1862, no. 11, pp. 158–172. (In Russian).
3. Strakhov N.N. *Kriticheskie statii ob I.S. Turgeneve i L.N. Tolstom* [Critical articles about Ivan Turgenev and Leo Tolstoy]. Kiev, I.P. Matchenko Publ., 1902, vol. 2, 434 p. (In Russian).
4. Timiryazev K.A. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Selhogiz Publ., vol. 5, 508 p. (In Russian).
5. Strakhov N.N. *Iz istorii literaturnogo nigilizma* [From the history of literary nihilism]. Saint Petersburg, Tipografiya bratev Panteleevykh Publ., 1890, 596 p. (In Russian).
6. Strakhov N.N. *Bor'ba s Zapadom* [Fight with the West]. Saint Petersburg, Tipografiya bratev Panteleevykh Publ., 1890, book 2, 567 p. (In Russian).
7. Ogurtsov A.P. *Ot naturfilosofii k filosofii nauki* [From Natural Philosophy to Philosophy of Nature]. Moscow, IPhRAS Publ., 1995, 315 p. (In Russian).
8. Danilevsky N.Ya. *Darvinizm. Kriticheskoe issledovanie* [Darwinism. A Critical Study]. Saint Petersburg, M.Ya. Elizarova Publ., 1885, vol. 1, 697 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 14.11.2016

Об авторе

Снетова Нина Васильевна

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: snetova@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5935-7168

About the author

Snetova Nina Vasil'evna

Ph.D. in Philosophy, Docent, Associate Professor
of the Department of the History of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: snetova@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5935-7168

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Снетова Н.В. Учение Чарльза Дарвина в критической рефлексии Николая Данилевского и Николая Страхова (из истории дарвинизма в России) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 1. С. 43–50. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-43-50

Please cite this article in English as:

Snetova N.V. Charles Darwin's theory in the critical reflection of Nikolay Danilevskiy and Nikolay Strakhov (from the history of Darwinism in Russia) // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 1. P. 43–50. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-43-50